

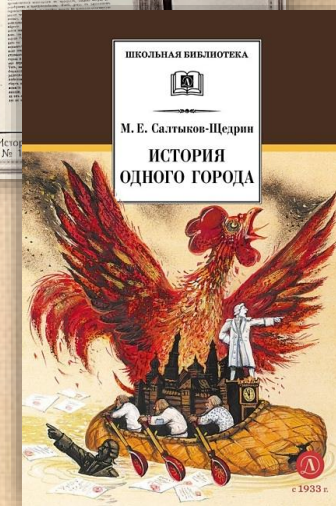
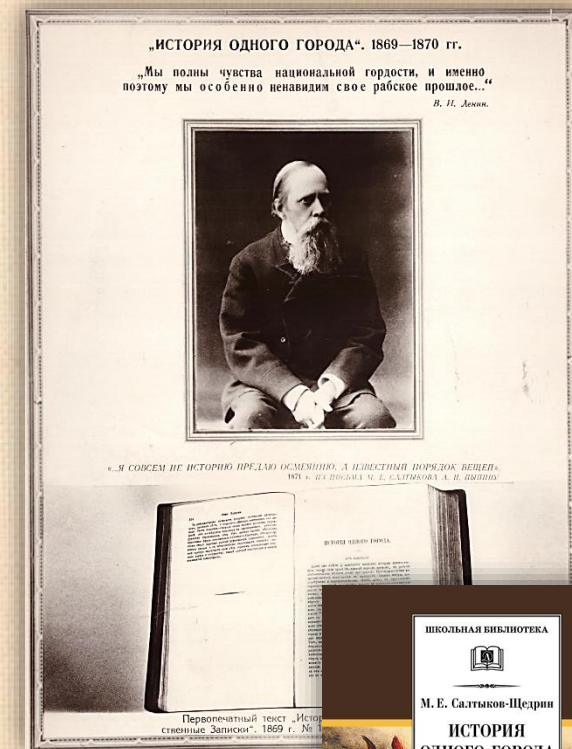
Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (наст. фамилия Салтыков, псевдоним – Н. Щедрин) русский писатель, публицист, в 1858–60 рязанский и в 1860–62 тверской вице-губернатор, боролся с мздоимством и казнокрадством, защищал крестьян, поддерживал выступления либеральной оппозиции, что стало причиной отставки. Был соредактором и редактором журнала «Отечественные записки». Салтыков-Щедрин относится к крупнейшим сатирикам 19 века, его творчество оказало существенное влияние на развитие русской литературы.

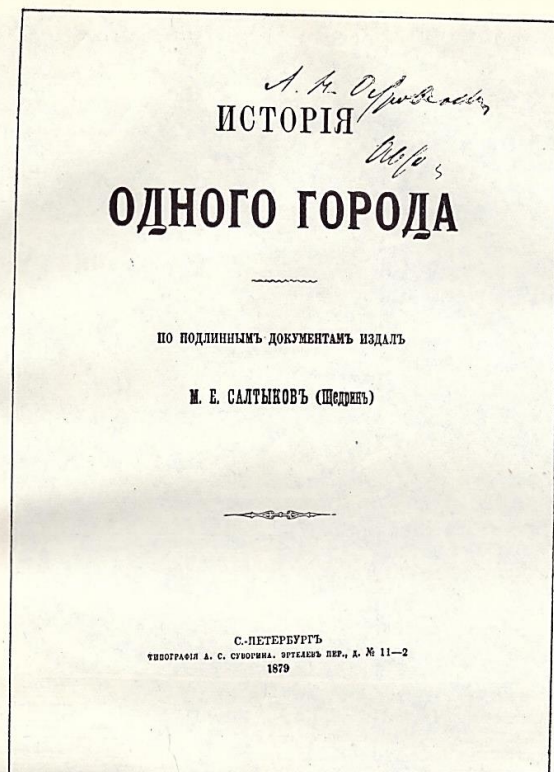
Достоверная летопись города Глупова

200 лет
со дня рождения
Михаила Евграфовича
Салтыкова-Щедрина
(1826–1889)

*Вы отмежевали себе в нашей словесности
целую область, в которой Вы неоспоримый
мастер и первый человек.*

/ И. С. Тургенев

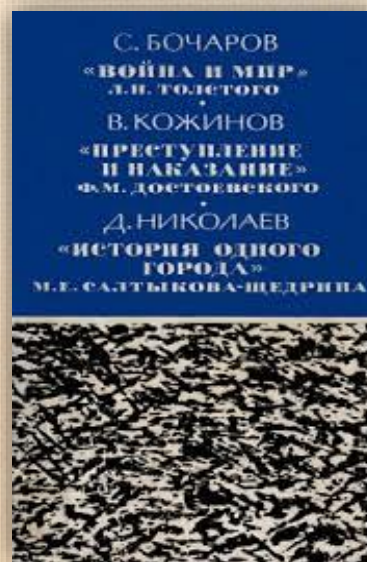
«История одного города».
Титульный лист с авторской надписью А. Н. Островскому.

Взгляд рецензента на мое сочинение, как на опыт исторической сатиры, совершенно неверен. Мне нет никакого дела до истории, и я имею в виду лишь настоящее. Историческая форма рассказа была для меня удобна потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни... те же самые основы жизни, которые существовали в XVIII веке, — существуют и теперь. Следовательно, «историческая» сатира вовсе не была для меня целью, а только формою.

М. Е. Салтыков-Щедрин — А. Н. Пылину, 2 апреля 1871 года.

История одного города.
Титульный лист с авторской
надписью А. Н. Островскому

История одного города

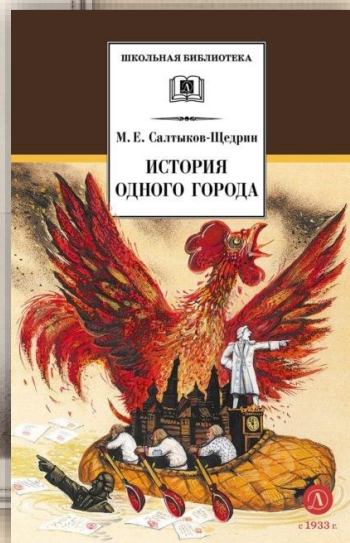
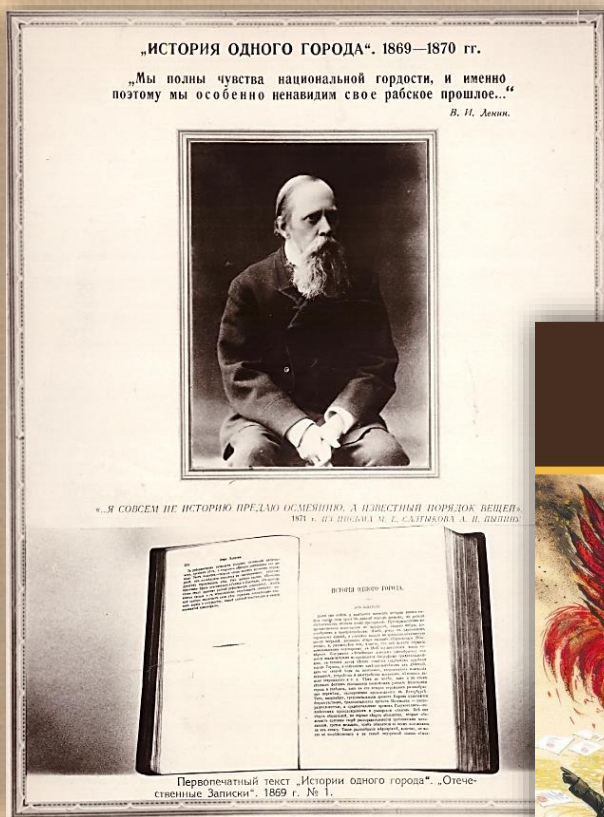

Когда вышла в свет «История одного города», либеральная критика стала упрекать Салтыкова-Щедрина в искажении жизни, в отступлении от реализма. Но эти упреки были несостоятельными. Сатирические гротеск и фантастика у Щедрина не искажают действительности, они лишь доводят до парадокса те качества, которые таит в себе бюрократический режим. Художественное преувеличение действует подобно увеличительному стеклу: оно делает тайное явным, обнажает скрытую от невооруженного глаза суть вещей, укрупняет реально существующее зло.

/ Ю. В. Лебедев

В «Истории одного города» дается беспримерная сатирическая картина наиболее слабых сторон народного мирозерцания. Щедрин показывает, что народная масса в основе своей политически наивна, что ей свойственно неиссякаемое терпение и слепая вера в начальство, в верховную власть.

/ Ю. В. Лебедев

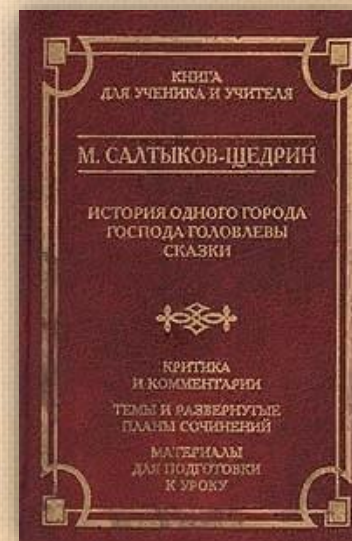
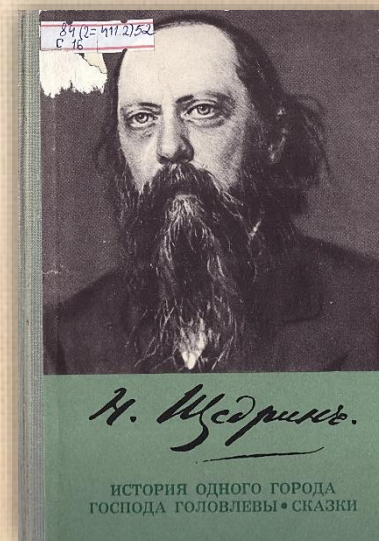
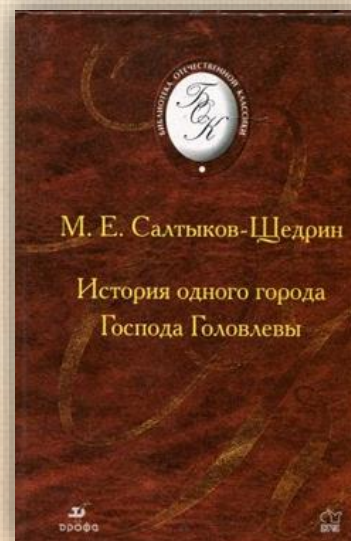

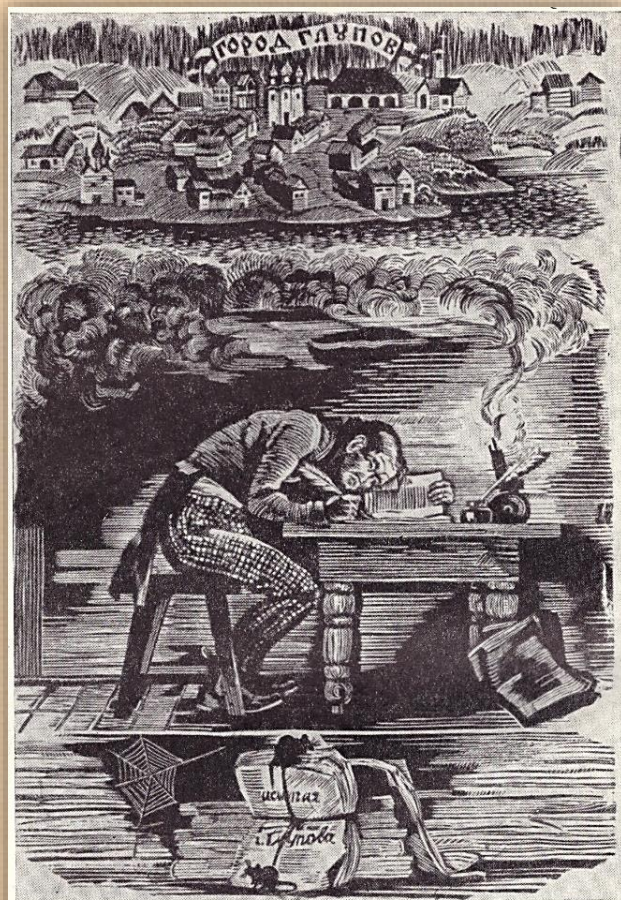
В «Истории одного города» Щедрин поднялся до правительственных верхов: в центре этого произведения — сатирическое изображение народа и власти, глупцов и их градоначальников. Писатель убежден, что бюрократическая власть является следствием народного «несовершеннолетия» — «глупости». В книге сатирически освещается история вымышленного города Глупова, указываются даже точные даты ее: с 1731 по 1825 год. В фантастических героях и событиях щедринской книги есть отзвуки реальных исторических фактов названного автором периода времени. Но в то же время сатирик постоянно отвлекает внимание читателя от прямых исторических параллелей.

/ Ю. В. Лебедев

Сатира его была настолько глубока и остроумна, что и последующими поколениями воспринималась как нечто злободневное. Выражая свое восхищение гением Щедрина, М. Горький говорил: «Значение его сатиры огромно как по правдивости ее, так и по тому чувству почти пророческого предвидения тех путей, по коим должно было идти и шло русское общество на протяжении от 60-х годов вплоть до наших дней».

/ Д. Николаев

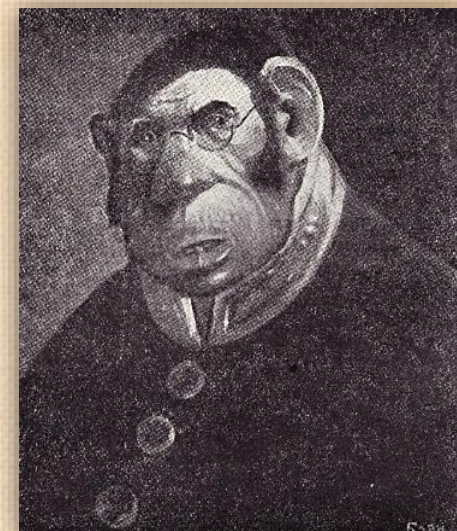
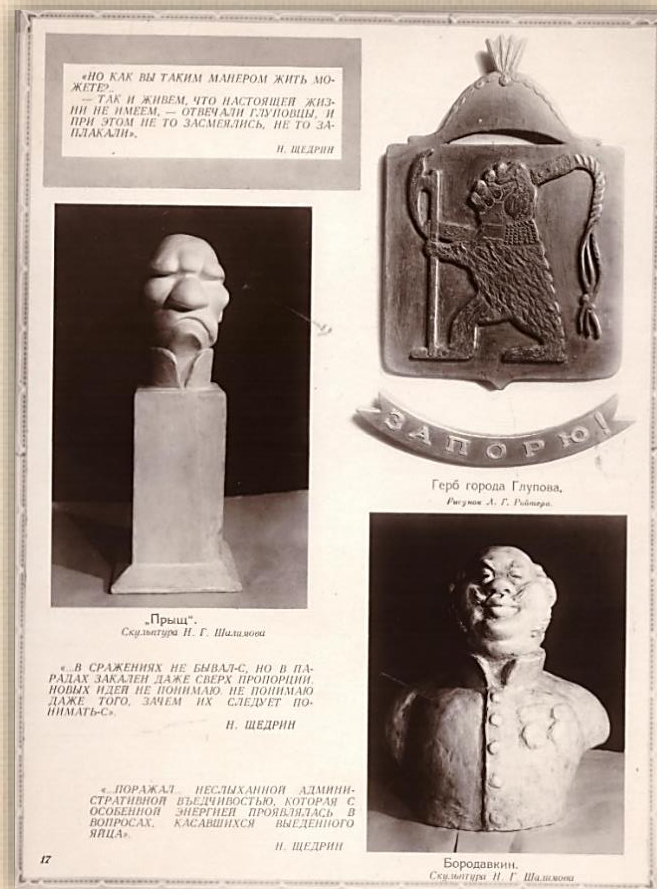

«История одного города». Архивариус-летописец.
Гравюра на дереве С. М. Мочалова, 1931.

Сие намерение — есть изобразить преемственно градоначальников, в город Глупов от российского правительства в разное время поставленных... Много видел я на своем веку поразительных сих подвижников, много видел таковых и мои предместники... Одни из них, подобно бурному пламени, пролетали из края в край, все очищая и обновляя; другие, напротив того, подобно ручью журчащему, орошали дуга и пажити, а бурность и сокрушительность предоставляли в удел правителям канцелярии.

Градоначальники г. Глупова

«История одного города».
ОПИСЬ ГРАДОНАЧАЛЬНИКАМ.
Рисунок Баяна (А. Юнгера), 1907.

Двоекуров, Семен Константинович, статский советник и кавалер. Вымостили Большую и Дворянскую улицы, завел пивоварение и медоварение, ввел в употребление горчицу и лавровый лист, собрал недомки, покровительствовал наукам и ходатайствовал о заведении в Глупове академии. Написал сочинение: «Жизнеописания замечательнейших обезьян»...

Разные были в Глупове градоначальники. Деятельные и бездеятельные. Либеральные и консервативные. Вводившие просвещение и искоренявшие оное. Однако все их многообразнейшие прожекты и поползновения в конце концов сводились к одному: к выколачиванию «недоимок» и пресечению «крамолы».

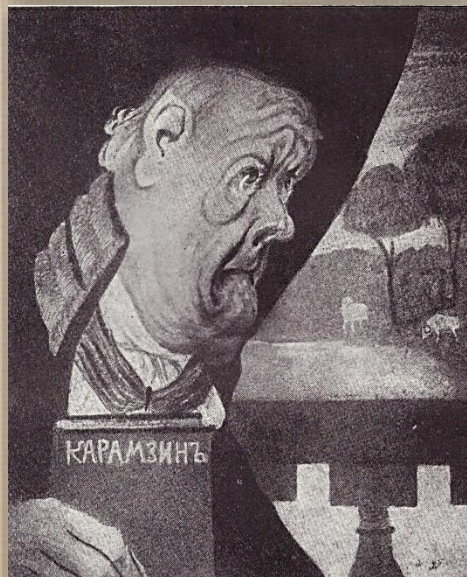
Градоначальники г. Глупова

«История одного города». Опись градоначальникам.
Рисунок Ре-ми (Н. Ремизова), 1907.

Бородавкин, Василий Семенович. Градоначальничество свое было самое продолжительное и самое блестящее. Предводительствовал в кампании против недоимщиков, при чем спалил тридцать три деревни и, с помощью сих мер, взыскал недоимок два рубля с полтиною. Ввел в употребление игру лауш и прованское масло; замостил базарную площадь и засадил березками улицу, ведущую к присутственным местам; вновь ходатайствовал о заведении в Глупове академии, но, получив отказ, построил съезжий дом. Умер в 1798 г., на экзекуции, напутствуемый капитан-исправником.

Грустилов, Эраст Андреевич, статский советник. Друг Карамзина. Отличался нежностью и чувствительностью сердца, любил пить чай в городской роще, и не мог без слез видеть, как токуют тетерева. Оставил после себя несколько сочинений идиллического содержания и умер от меланхолии в 1825 году. Дань с откупа возвысил до пяти тысяч рублей в год.

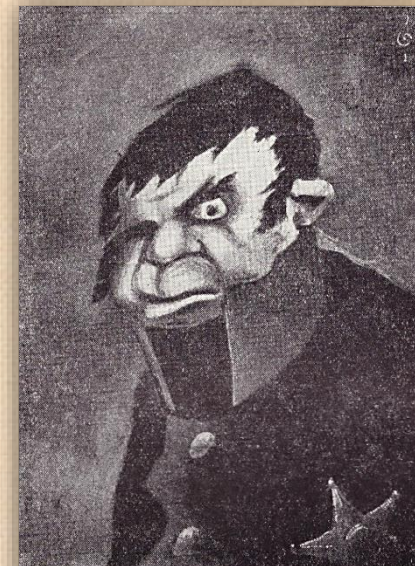

«История одного города». Опись градоначальникам.
Рисунок А. Е. Яковлева, 1907.

Прыщ, майор Иван Пантеленч. Оказался с фаршированной головой, в чем и уличен местным предводителем дворянства.

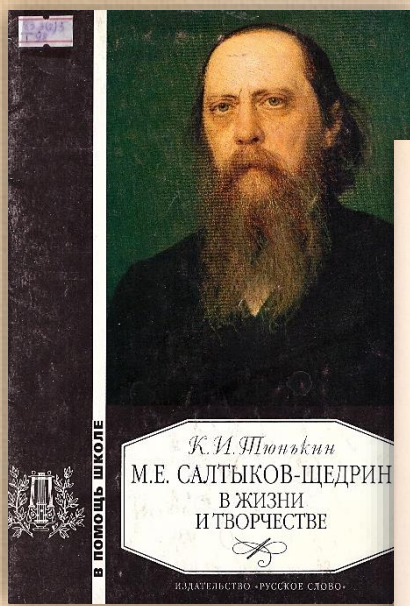
«История одного города». Опись градоначальникам.
Рисунок Ре-ми (Н. Ремизова), 1907.

«История одного города». Опись градоначальникам.
Рисунок Ре-ми (Н. Ремизова), 1907.

Угрюм-Бурчеев, бывший прохвост. Разрушил старый город и построил другой на новом месте.

Сатирик ставит перед собою головокружительно смелую цель — создать обобщенный образ России, в котором синтезируются вековые слабости национальной истории, достойные сатирического осмеяния коренные пороки русской общественной жизни.

IV. «ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»
(«ЖИЗНЬ, НАХОДЯЩАЯСЯ
ПОД ИГОМ БЕЗУМИЯ»)

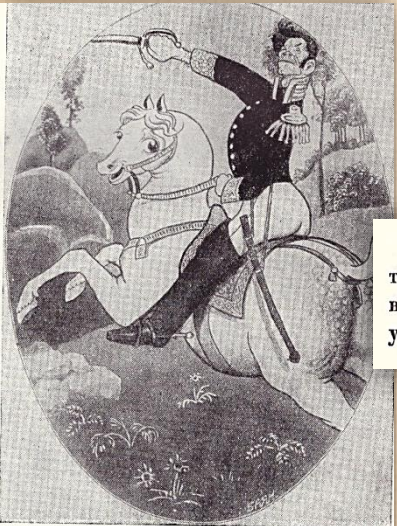
Десятилетняя напряженная работа мысли художника, публициста, государственного деятеля в условиях активной общественной борьбы, в годы противоречивого хода русской исторической жизни на ее корявом переломе вела Щедрина к созданию произведения, в котором в особой жанровой форме обобщены не только восток и предвосток современного «глуховщины», но и его место и роль в национальной и во всемирной истории. «История одного города» как произведение, созданное по законам сатиры, высветила такие исторические закономерности, которые, естественно, остались за пределами обширной исторической рамы «Войны и мира» Льва Толстого, произведений эпического жанра, завершающего к началу работы Щедрина над «Историей одного города». Если «Война и мир» — роман-эпопея, то «История одного города» может быть названа сатирой-антиутопией.

Особенность глуховского бытия, как оно представлено в очерках-сатирах «Глуховского» цикла, состояла в том, что бытие это внешнеотрицательно, что настоящие города-гротески неотличимы от его прошлого, и это заслуживает, заставшее бытие не содержит признаков обновления («рождения») в будущем. Однако в очерке «Наша глуховская дача» сказано, что «история» у города Глухова все же была и хранилась в соборной колокольне, «но впоследствии не то крысами съедена, не то в пожар сгорела». В самом деле, уже в «Глуховском» цикле намечается некоторая схема истории Глухова — путь призрачной, «ненстоящей» — истории шарокопий и испугот, истории безликих правителей-губернаторов и, как оказалось, даже глуховцев-Иванушек.

Лишь бесло намеченная в этом цикле глуховская «история» в сатирической антиутопии наполняется определенным историческим содержанием. В предисловии «От издателя» (под такой маской выступил Щедрин в «Истории одного города») сообщается, что в архиве города Глухова «издатель» полагал «должно объединить свисав» жести, изъезженных мышами и загнивших мухами тетрадей под общим названием «Глуховского Летописца» — хроники, которую последовательно — с 1731 по 1825 (или 1826) годы — вели четыре городских архимаршрута-летописца. В предисловии «издатель» утверждает, что не касался содержания «Глуховского Летописца», а лишь «исправлял» его «тяжелый и устаревший».

Щедрин произвольно обобщает двойной смысл слова «история» — история как эффективный ход событий и история как «историография», то есть описание этих событий.

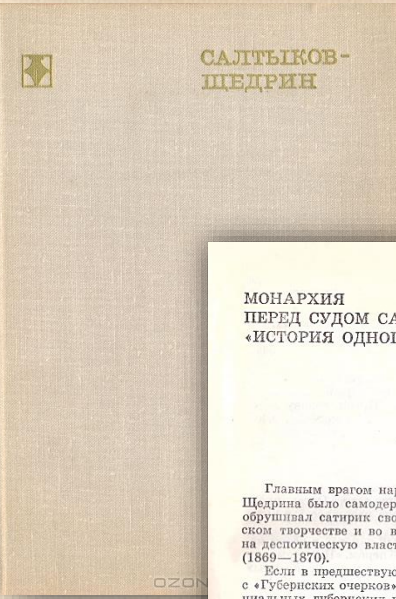
— 41 —

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА».
ОПИСЬ ГРАДОначАЛЬНИКАМ.
Рисунок Балла (А. Юнгера), 1907.

Перехват-Залихватский, Архистратиг Стратилатович, майор. О сем умолчу. Въехал в Глухов на белом коне, съег гимназию и упразднил науки.

Весь материал взят из фонда
фундаментальной библиотеки
ГАОУ ВО МГПУ

МОНАРХИЯ
ПЕРЕД СУДОМ САТИРИКА.
«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»

Главным врагом народных масс в эпоху Салтыкова-Щедрина было самодержавие. На него в первую очередь и обрушивал сатирик свои удары. Самым резким и шедринским творчеством и во всей русской литературе нападением на деспотическую власть явилась «История одного города» (1869—1870).

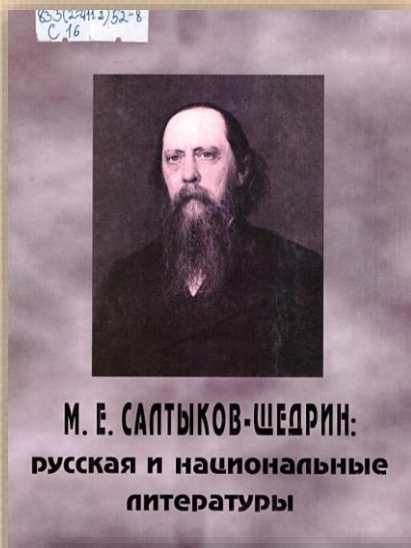
Если в предшествующих своих произведениях, начиная с «Губернских очерков», Салтыков-Щедрин бичевал провинциальных губернских чиновников и бюрократов, то теперь он добрался до правительственных верхов. Открыто выступать против них было не только опасно, но и невозможно. Поэтому сатирик прибегнул к сложной художественной маскировке.

Свое произведение он выдал за найденные в архиве тетради летописцев, будто бы живших в XVIII веке, а себе отвел лишь скромную роль «издателя» их записок. Царей и царских министров представил в образах градоначальников, а установленный ими государственный режим — в образе города Глухова. Все эти фантастические образы и остроумные выдумки потребовались сатирику, конечно, только для того, чтобы надевательски высмеять царское правительство своего времени.

Салтыков-Щедрин применил все средства обличения, чтобы вызвать чувство отвращения к действиям самодержавия. Это достигнуто уже в «Описи градоначальникам», предваряющей краткими биографическими справками подробное описание «подвигов» правителей города Глухова. Постоянное упоминание о неприглядных причинах смерти резко обижает их отвратительный внутренний облик, подготавливая необходимое эмоциональное настроение читателя. Все градоначальники умирают, следуя как бы народной поговорке:

4*

«История одного города» явилась итогом идейно-творческого развития Салтыкова за все предыдущие годы его литературной деятельности обозначила вступление его политической сатиры в пору высшей зрелости, открывающую длинный ряд новых блестящих завоеваний его таланта.
/ А. С. Бушмин

ПОЭТИКА ГРОТЕСКА В «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Я.В. Погребина,
доктор филологических наук, профессор
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь

М.Е. Салтыков-Щедрин вошел в историю русской литературы прежде всего как писатель-сатирик, мастер гротескного образа. «Салтыков-Щедрин превосходно владел приемами художественного преувеличения, заострения образов, средствами фантастики и, в частности, сатирического гротеска, т. е. такого фантастического преувеличения, которое показывает явления реальной жизни в причудливой, невероятной форме, позволяющей ярче раскрыть их сущность», — указывал А.С. Бушмин [2].

Термин «гротеск» появился в Италии в конце XV века. Первоначально его употребляли для обозначения особого типа древнеримского орнамента, состоящего из переплетающихся изображений животных, растений и человеческих фигур. Этот орнамент был обнаружен в гротах, этим обусловлено само название художественного явления — «гротеск». В современной эстетике и теории литературы вопрос о точном определении дефиниции «гротеска» выступает достаточно дискуссионным. Д.В. Кобленкова в чрезвычайно обстоятельной и глубокой статье «Проблемы становления гротеска» приводит четыре основных дефиниции этого понятия: первое принадлежит к теоретической поэтике и рассматривает гротеск как способ порождения образов, второе — к сфере эстетики, в его русле гротеск определяется как одна из форм комического, при помощи которой создаются «гротескные миры», третье — трактует гротеск как прием описательной поэтики, направленный на описание самих «гротескных миров», и, наконец, четвертое продвигается уже в сферу функциональной поэтики и направлено уже на анализ не столько процесса создания, сколько восприятия гротескных образов, интегрируясь, таким образом, с психоэстетической творческой и рецептивной эстетикой. Анализируя четыре основных способа идентификации и гротеска, исследователь приходит к выводу чрезвычайной продуктивности первого направления, выработавшего более четкие границы семантического обозначения понятия, соотносимого, в первую очередь, с определенным типом художественной образности [4]. Исходя из этимологии гротескных

548